
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₈₎

ВЕСНА — ЛЕТО
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН 5
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой, под редакцией и с предисловием Т.А. Пан Имру' аль-Кайс. Му'аллака. Перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала 9 24
- Имруулькайс. Муаллака. Литературный перевод с арабского языка А.А. Долининой, предисловие Вал.В. Полосина 33
- Сутра Махаяны, именуемая «Наставление [касательно] предсказания, [данного царю] Аджитасене». Предисловие и перевод с санскрита М.И. Воробьевой-Десятковской, С.Х. Шомахмадова 39
- «Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в. Перевод с малайского языка и вступительная статья Л.В. Горяевой 51
- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле»). Предисловие, транслитерация, перевод с санскрита и комментарии С.Л. Бурмистрова 65

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев. Новый Завет в коптском «Апокалипсисе Петра» (*Nag Hammadi Codex VII. 3: 70.13–84.14*) 79
- Ю.А. Иоаннесян. Некоторые аспекты «возвращения», или «второго пришествия» в религиозных учениях 83
- И.А. Алимов. Заметки о сяошо: «Юй линь» 99
- Н.С. Яхонтова. Санскритско-тибетско-монгольские параллели: эпитеты рек 109
- Р.Ю. Почекаев. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» 123
- И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов позднешумерского периода) 138

<i>И.С. Гуревич.</i> Грамматическая стилистика буддийских текстов: синтаксические ресурсы (связка 是; анафора и эпифора)	149
<i>Д.В. Цолин.</i> Перифрастические формы императива и юссива в арамейском языке таргумов	159

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>М.А. Гизбулаев.</i> Сира в арабской литературе Дагестана. Арабская рукопись XVIII в. «Васаил ал-лабиб 'ала фадаил ал-хабиб»	170
<i>С.М. Якерсон.</i> Карасубазарский кодекс «Поздних Пророков» в собрании ИВР РАН (D 62). Заметки к его истории, локализации и датировке	176
<i>О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев.</i> Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)	190
<i>Мунхцэцэг Энхбат.</i> Маньчжурская «парная надпись» из коллекции Национальной библиотеки Монголии	198

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>В.Ф. Минорский.</i> Курды — потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии <i>З.А. Юсуповой</i>	206
<i>С.И. Марахонова.</i> Институт Гарвард-Яньцинь и образовательная политика США в Азии в 1930–1950-е годы (по источникам архивов Кембриджа, США)	212
<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Анонимный перевод первой главы трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» из Архива востоковедов ИВР РАН	223
<i>С.С. Сабружова.</i> Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А.М. Позднеева	236
<i>М.В. Фионин.</i> Греческая рукопись D-227 из собрания ИВР РАН (археографический анализ)	242
<i>Морисита Нобуко.</i> Практические сведения для поиска арабских и персидских рукописей в разных странах (на англ. яз.)	247
<i>Е.В. Гусарова.</i> Вячеслав Михайлович Платонов (1941–2012) — исследователь эфиопских рукописей	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Зорин.</i> Первые петербургские тибетологические чтения	274
<i>В.В. Щеткин.</i> «Невские чтения»: международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского	276
<i>А.В. Зорин.</i> V Международный семинар по тибетологии в Пекине	278
<i>Т.В. Ермакова.</i> Шестые всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	282
<i>С.Ю. Рыженков.</i> Четвертая международная конференция «Культура Семи мудрецов из бамбуковой рощи» 第四届“竹林七賢文化”國際學術研討會. КНР, Юньтайшань 雲台山 (24–25 ноября 2012 г.)	286
<i>Т.А. Пан.</i> Немецко-русская рабочая конференция по изучению Центральной Азии, 14–15 марта 2013 г., Берлин (Германия)	289

На четвертой сторонке обложки:

Еврейская библия из коллекции ИВР РАН, шифр D-62

Над номером работали:

Г.О. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Проница

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. 1: Сборник статей и интервью. — М., ГМВ, 2012. — 224 с., илл. (<i>И.В. Кульганек</i>)	291
<i>Т.Г. Скороходова.</i> Бенгальское Возрождение: Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философии Нового времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 320 с. (<i>С.Л. Бурмистров</i>)	293
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с. (<i>Е.П. Островская</i>)	297

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	303
Евгений Александрович Серебряков (1928–2013) (<i>Д.И. Майцкий</i>)	307

«Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в.

Перевод с малайского языка и вступительная статья
Л.В. Горяевой

Публикация содержит перевод и исследовательскую статью, посвященную малоизученному малайскому памятнику начала XIX в. — «Повесть о земле Бали», принадлежащему перу Абдуллаха ал-Мисри, этнического араба-мусульманина, близкого к кругам колониальной администрации Нидерландской Индии. Его сочинение, обнаруживающее ряд формальных черт сходства с малайскими региональными хрониками, явилось одновременно составленной по заказу колониальных властей своего рода докладной запиской о направленной на Бали миссии и описывающей, наряду с историей острова, распределение зон влияния и политическую ситуацию на Бали первой четверти XIX в.

Ключевые слова: малайская хроника, Бали, арабская диаспора в Индонезии, колониальные власти, докладная записка.

На рубеже XVIII–XIX вв. малайская письменная словесность вступила в новую фазу, ознаменованную прежде всего появлением целого ряда документальных (или претендующих на документальность) сочинений: книг путешествий, воспоминаний, дневников, эпических поэм (*шаирав*) «на злобу дня». Подобно своим предшественникам — литераторам и историографам классической эпохи, выходцам из образованных слоев, близких ко дворам правителей, авторы нового времени нередко принадлежали к кругу чиновников, служивших в колониальной администрации. Обеспечивая посредничество в общении колониальных властей с местными элитами, они занимались перепиской и переводами, помогали европейцам в изучении малайского и других языков региона, вели записи о важнейших событиях. Поощрялось и их собственное литературное творчество: с его помощью администрация могла расширить свои представления об управляемых ею землях и народах. В некоторых случаях побуждающим мотивом для написания той или иной книги служила прямая инициатива их патронов-европейцев (голландцев и англичан).

В числе наиболее известных сочинений писателей-секретарей можно упомянуть, например, «Историю минангкабауского торговца перцем из Лампонга» (*Riwayat seorang Minangkabau pedagang lada*) Лауддина (Drewes, 1961), записанную автором по просьбе британского наместника Баттера Ханнинга в Лаисе (Южная Суматра) между 1788 и 1791 гг., «Повесть об управлении Бенгалией» (*Hikayat Perintah Negeri Benggala*) Ахмада Риджалуддина (Skinner, 1982), секретаря капитана Роберта Скотта, описавшего их совместное путешествие из Пенанга в Калькутту, резиденцию генерал-губернатора британской Ост-Индии лорда Минто, в 1810–1811 гг. Обширное письменное наследие — книги путешествий, исторические *шаиравы* и мемуары — оставил после себя и наиболее известный автор этого круга, Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796–1854), сотрудник британской администрации Т.Ст. Рэффлза в Малакке, обычно именуемый первым малайским просветителем XIX в. (Парникель, 1980,

с. 200–203). Особое место в этом ряду занимает творчество еще одного из писателей-секретарей, Абдуллаха бин Мухаммада ал-Мисри.

Как явствует из его *нисбы* («ал-Мисри» — Египтянин), Абдуллах был членом арабской общины, первые представители которой стали обосновываться в островной части Юго-Восточной Азии еще в весьма отдаленные времена. В среде автохтонного населения престиж этой этнической группы был достаточно высок. Будучи единоверцами, носителями «чистого» ислама и мусульманской культуры, арабы одновременно наиболее активно проявляли себя в сфере предпринимательства и торговли. Несмотря на свою относительную малочисленность¹, они содействовали арабизации малайской культуры, но и сами, в свою очередь, подверглись неизбежной малайзации.

О годах жизни Абдуллаха ал-Мисри можно судить лишь по косвенным данным. Первое из дошедших до нас его сочинений, «Объяснение имён» (*Bayan al-Asma'*), было написано в 1809/10 г., что позволяет с известным допущением отнести рождение ал-Мисри к 80-м годам XVIII в. Дату смерти писателя нельзя обозначить даже приблизительно: последнее из пяти принадлежащих его перу сочинений было создано лишь пятнадцатью годами позже, в 1824 г. Не считая весьма скурых сведений, содержащихся в текстах его сочинений, биографических данных об ал-Мисри практически не сохранилось (Hoëvell, 1845, p. 139–201).

Выходец из семьи, первоначально обосновавшейся на Малаккском п-ве, а затем перебравшейся в Понтианак (Западный Калимантан), ал-Мисри на протяжении жизни также неоднократно менял места своего пребывания. Уроженец Палембанга (Суматра), проживавший в разное время в Батавии, на Сулавеси и Калимантане, он к началу 1820-х годов поселился в Бесуки (Восточная Ява) и стал заниматься коммерцией.

В период, пришедший на смену эпохе наполеоновских войн и связанных с ними потрясений, генерал-губернатор нидерландской Индии барон ван дер Капеллен (ок. 1816 — 1826) предпринял ряд шагов с целью расширить голландское влияние в регионе — прежде всего в области торговли. Решению этой задачи должны были содействовать, в частности, инициированные им специальные миссии, во главе которых был поставлен купец из Сурабаи Саййид Хасан бин Умар ал-Хабши, этнический араб, пользовавшийся доверием колониальных властей. Целью миссий было установление контактов между голландской администрацией и теми областями Юго-Восточной Азии, что находились вне сферы ее прямого влияния (Vickers, 2006, p. 36). В двух из них, в Сиам (1823) и на Бали (1824), в роли секретаря участвовал и ал-Мисри. Предложение присоединиться к миссии в Сиам сделал ему сам ал-Хабши, сказавший буквально следующее: «Шейх Абдулла, откажись от плавания на Тимор, давай-ка лучше поплывем вместе со мною в страну Сиам, послужим Великому Господину (т.е. генерал-губернатору. — Л.Г.): это принесет больше выгоды, чем плавание по торговым делам» (цит. по: [Zaini-Lajoubert, 2008, p. 135]).

Для ал-Хабши участие в миссиях обернулось вполне реальной пользой: власти оценили его заслуги, назначив пенсию в размере 4800 гульденов и присвоив ему титул *пангерана*². Самому ал-Мисри повезло меньше: глава миссии соблазнил его перспективой быть представленным генерал-губернатору, однако обещанию не суждено было сбыться. Об обстоятельствах поездки в Сиам писатель рассказал следующее: «Я последовал за *пангераном* в его плавание в Сиам. Нас было девять человек, питались мы за собственный счет, не получая жалованья, из одного желания послужить

¹ Согласно переписи 1812/13 г., число арабов, проживавших в то время на о. Яве и Мадуре, едва превышало шесть сотен человек (Raffles, 1817, vol. 1, table 1, p. 62).

² Титул детей и высокопоставленных родственников раджи.

Великому Господину. По милости Великого Господина мы благополучно прибыли в Сиам. В Сиаме именовали меня писцом посла Великого Господина Джакарты. Проведя в Сиаме четыре месяца, мы двинулись в обратный путь. В Батавии *пангеран* явился к Великому Господину и вручил ему ответные письма и подарки от правителя Сиамы... Из-за большой занятости и забот *пангеран* не смог представить меня Великому Господину, а может быть, и забыл это сделать. Я был весьма опечален, потеряв надежду узреть лик Великого Господина... Уповаю на помощь Владыки Неба и Земли, да поможет он мне встретиться с Великим Господином» (ibid, p. 136).

О своей работе в должности секретаря миссии ал-Мисри рассказывал так: «В Сиаме же денно и ночью я с усердием и прилежанием исполнял свою службу Великому Господину и не глазел по сторонам, но помышлял лишь о том, как бы лучше послужить ему... У старых людей я разузнал, откуда вели свой род владыки Сиамы и какие были их деяния. Все, что я постиг с помощью собственных ушей, глаз и сердца, а также все, что узнал от стариков и из книг, — все это легло в основу моей повести, которая, даст Бог, дойдет и до ушей Великого Господина. Но написать ее я бы не смог, не возьми меня *пангеран* с собою в Сиам, именем и властью Великого Господина...» (idem, p. 136). Результатом путешествия стало сохранившееся в двух списках сочинение, известное как «Повесть о раджах Сиамы» (*Hikayat raja-raja Siam*) или «Рассказ о Сиаме» (*Cerita Siam*). Оно содержало краткую мифологизированную историю страны, начиная от Адама, рассказывало о взаимоотношениях Сиамы с соседними государствами, о соперничестве англичан и голландцев за влияние в этой стране и о роли, которую была призвана сыграть миссия из Батавии.

В 1824 г., спустя год после поездки в Сиам, автор снова оказался участником миссии, возглавляемой ал-Хабши, на сей раз на Бали. Результатом ее стало последнее сочинение ал-Мисри — «Повесть о земле Бали» (*Hikayat tanah Bali*). В отличие от предыдущего сочинения, текст «Повести» ничего не сообщает об обстоятельствах, сопровождавших их путешествие на остров, отношениях с местными правителями, результатах миссии и т.п. Своей отстраненной «эпической» интонацией повествование напоминает многие малайские региональные хроники, где редко найдешь место отношению автора к описываемым им событиям.

«Повесть о земле Бали» открывается фразой, традиционной для классической малайской нарративной прозы: «Рассказывает владелец этой истории...» «Владелец истории» — это «рассказчик вообще», а отнюдь не автор. Повествование начинается с рассказа о древнейших обитателях острова, в числе которых упоминаются как мифические существа: великаны, лесные духи и т.п., так и индийцы, пришельцы с Коромандельского берега. Событием, положившим начало подлинной истории Бали, стала для автора яванская колонизация и прибытие на остров с Явы основоположника династии правителей Бали — Девы Агунга. Основная часть сочинения посвящена ему самому и его потомкам от разных жен, их соперничеству, одновременно упомянуты и те из местных правителей, кто не принадлежал к его роду. В повествование также вкраплен краткий рассказ о легендарном персонаже — брахмане Аджи Сака (Шака), индийце, прибывшем на Бали с вероучительной миссией и утвердившем там систему сословных отношений, сходную с системой индийских варн (Маретин, 1976, с. 846).

Между двумя упомянутыми сочинениями ал-Мисри есть еще одно весьма существенное различие: в отличие от «Повести о раджах Сиамы», ал-Мисри не пытается (и не может в принципе) включить историю Бали в близкий ему самому общему-сульманский историко-культурный контекст. Возможно, именно этим можно объяснить эпически-безличную и нарочито нейтральную в оценках интонацию автора.

Лишь в конце книги ал-Мисри позволяет себе пренебрежительно заявить: «Все раджи на Бали — горные жители, люди недалекие и не бывавшие в иных краях. Слыхивал об этих краях лишь раджа Бадунга...» Важнейшей отличительной чертой «Повести о земле Бали» является, таким образом, исходно заданная позиция автора как постороннего по отношению к предмету своего описания.

Заключительный раздел «Повести» заметно отличается от предыдущей, «эпической» части и напоминает скорее отчет или докладную записку. В нем одна за другой перечисляются области Бали, приводятся имена правителей и ссылки на их генеалогию, указывается численность войска, имеющегося в распоряжении каждого из них. Завершает «Повесть» обращение ал-Мисри к адресату и возможному заказчику сочинения — Высококочтимому Адипати (*Paduka Raden Adipati*)³, покровительство которого автор хочет спикать. Саму «Повесть» ал-Мисри именует кратким отчетом — *rapport yang sedikit ceriteranya*.

Выяснить, какое именно лицо скрывается под именем Высококочтимого Адипати, сложно. Судя по титулатуре, «Повесть о Бали» адресовалась не голландцу, а какому-то из яванских правителей, регенту одной из областей. Тем не менее сама миссия на Бали, как и предыдущие, была инициирована голландской администрацией, заинтересованной в сборе подобной информации. Для сравнения — заказчиком «Повести о раджах Сиам», по словам ал-Мисри, был сам «Великий Господин» (генерал-губернатор ван дер Капеллен), распорядившийся затем издать этот труд в голландском переводе. Известно, что и ранее власти нидерландской Индии неоднократно совершали попытки установления контактов с правящей верхушкой Бали. Так, миссии 1824 г., участником которой был ал-Мисри, предшествовала миссия правительственного комиссара Х.А. ван ден Брука, продолжавшаяся с декабря 1817 до июня 1818 г., но не принеся особых результатов: первый договор с одним из местных правителей — раджей Бадунга — голландцам удалось заключить лишь в 1826 г. (Tropisch Nederland, 1938, p. 205).

Об иных обстоятельствах написания «Повести о земле Бали» почти ничего не известно. Хронологически это последнее из сочинений ал-Мисри и единственное, оригинальной рукописи которого не сохранилось. Текст «Повести» был опубликован в арабской графике тогдашним президентом Батавского общества искусств и наук В.Р. ван Хувеллом (1812–1879) в основанном им журнале *Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië* за 1845 г. (Hoëvell, 1845, p. 139–201). По утверждению самого ван Хувелла, изданный текст являлся, возможно, лишь частью более пространный сочинения (*ibid*, p. 140). Рукопись «Повести» ван Хувелл получил, по его словам, от некоего Й.Х. Тобиаса (J.H. Tobias), личности незаурядной.

Кадровый чиновник колониальной администрации нидерландской Индии, Йоан Хендрик Тобиас (1783–1857) отбыл туда в 1817 г. (Tobias, 1817). С 1819 до 1821 г. Тобиас исполнял должность резидента в Бантене (Западная Ява). В 1822–1824 гг. он — комиссар (уполномоченный) на Калимантане (Termorshuizen, 1992, p. 110), в 1825 — комиссар в Макасаре (Сулавеси). За заслуги на служебном поприще он был удостоен звания Рыцаря Нидерландского Льва (Verhandeligen, 1826, V. 11, p. XXV).

Подобно многим другим европейцам, представителям колониальных властей, Тобиас одновременно являлся и исследователем тех регионов, куда привели его дела службы. Плодами работы этих первых востоковедов (и Тобиаса в том числе) становились не только докладные записки и отчеты⁴, но и книги (Meijlan, 1830), и статьи в

³ Почетное наименование главы округа (регента) на Яве.

⁴ В архивах сохранились письма (вероятнее всего, служебного характера), адресованные Тобиасом генерал-губернатору ван дер Капеллену в декабре 1825 г. (Inventaris, p. 24).

научных журналах — результаты собственных изысканий и наблюдений, а также коллекции рукописей и монет, растений, минералов, предметов искусства и материальной культуры (Ter Keurs, 2007). Возможно, единственный список «Повести о земле Бали» был частью коллекции Тобиаса.

«Повесть о земле Бали», таким образом, представляет собой новое и в известном смысле оригинальное для малайской традиции явление. Принадлежащее перу этнического араба-мусульманина и написанное по-малайски по заказу — прямому или косвенному — голландской администрации, это сочинение аккумулировало в себе некую сумму сведений, относящихся к истории острова и современной для ал-Мисри политической ситуации. При этом, вопреки некоторому сходству с малайскими династийными хрониками, это сочинение описывает принципиально чуждую для автора — в религиозном, культурном и языковом планах — среду. В этом смысле «Повесть о земле Бали» может быть названа «искусственной» хроникой, находящейся на стыке двух жанров: традиционной историографии и документальной прозы первой половины XIX в.

Повесть о земле Бали⁵

Рассказывает владелец этой истории. В те времена, когда из рода людского на земле Бали проживали индусы⁶, прибывшие из страны Коста⁷, на Бали правили два раджи родом не из людей, а из раксас⁸, и обитали они на горе Сепанг близ Джембраны. Индусы очень боялись этих двух раксас. Один из них — Прабу Мирид — правил западной частью Бали. Голова у него была как у попугая, а тело — человеческое, ростом он был в двенадцать саженей, а грудь его была в три сажени шириной. Второго же звали Прабу Бедахулу, лицо его было как у раксасы, а тело — человеческое. Он проживал в селении, именуемом Бедахулу⁹, там и поныне живут люди, и имя Бедахулу всем известно.

Прибыл туда некто с Явы по имени Кебо Ива, могучий статью, смелый, но глуповатый, ростом более чем в пятьдесят саженей; сказывали, что отец его был из джинов, но встречались в их роду и люди. На Бали он поселился в Менгви, близ Бадунга¹⁰. Индийцы сообщили Кебо Иве: «Тут, на Бали, правят двое раксас». Тогда Кебо Ива призвал из Бламбангана¹¹ лесных духов¹². В великом множестве прибыли они на Бали и двинулись войной на двух раджей-раксас, но не смогли одолеть их.

Некий индус по имени Ремджана сказал Кебо Иве: «Давай-ка натравим этих раджей-раксас друг на друга: если начнется между ними вражда, нам проще будет справиться с обоими». Говорит Кебо Ива Ремджане: «Придумай, как бы их рассорить». Ремджана с индусами отправились на гору Сепанг и, явившись к Прабу Мириду, сказали: «О, господин, нас послал к тебе Кебо Ива. По его и нашему разумению, на Бали не должно быть двух великих правителей, и только одному из вас двоих следует быть раджей. Тогда Кебо Ива станет главным министром при государе».

Долго говорил Ремджана, и его речи пришлись Прабу Мириду по душе. Затем Прабу Мирид вместе с Кебо Ивой и Ремджаной, индусами и лесными духами двину-

⁵ Перевод с малайского на русский язык выполнен нами на основе издания (Zaini-Lajoubert, 2008).

⁶ *Orang Hindu* — люди, исповедующие индуизм.

⁷ *Kosta* (др. название *Keling*) — Коромандельский берег, восточное побережье п-ва Индостан.

⁸ *Raksasa* (от санскр. *rākṣasaṣ*) — в индуистской и буддийской демонологии — великан-людоед.

⁹ Населенный пункт на северо-восток от г. Денпасар.

¹⁰ Населенный пункт в южной части Бали.

¹¹ Населенный пункт на востоке Явы на берегу Балийского пролива.

¹² *Siluman* — лесной дух, призрак (персонаж яванской и балийской мифологии).

лись войной на Прабу Бедахулу. Разыгралась жаркая битва, о которой можно долго рассказывать. Ремджана и индусы с изумлением наблюдали, как Прабу Мирида, Кебо Ива и лесные духи бьются против Прабу Бедахулу. Вместе с Кебо Ивой было более десяти тысяч лесных духов, и каждый из них мог по желанию принимать всевозможные облики. Лесные духи пленили Прабу Бедахулу и доставили его к Кебо Иве, а тот препроводил его к Прабу Мириду. Великанья стать Кебо Ивы напугала Прабу Мирида — неровен час он станет не министром, а раджей? Говорит Прабу Мирида Кебо Иве: «Как нам поступить с Прабу Бедахулу?» Кебо Ива посоветовался с Ремджаной, а затем Прабу Бедахулу привязали к камню и потопили в проливе Бламбанган¹³.

Прабу Бедахулу не стало, а спустя шесть месяцев после его кончины Кебо Ива по наущению Ремджаны убил и Прабу Мирида и бросил его тело в Балийский пролив. И стал Кебо Ива великим раджей на земле Бали, а Ремджана стал раджей, находящимся в подчинении правителя Бали — Кебо Ивы. В подчинении Ремджаны было несколько министров-индусов, и народ говаривал, что именно Ремджана — владыка Бали. Потомки Ремджаны и поныне правят страной, и их сословие зовется вайшья¹⁴ — это сословие первых раджей Бали. Кебо Ива построил в Менгви город с дворцом, окруженный каменной стеной, причем крепостные ворота города были выше, чем сам Кебо Ива, и все дивились на них. Эти ворота целы и поныне.

Кебо Ива не мог жениться, потому что не существовало женщины, столь же крупной и высокой, как он сам. Он жил холостяком у себя во дворце, а Ремджана правил всеми городами Бали, старостами же деревень он поставил индусов. Вплоть до нынешнего времени потомки этих деревенских старост, именуемых на Бали шудрами¹⁵, не имеют права быть раджами и брать жен из числа вайшья, а те не имеют права брать жен из сословия кшатриев¹⁶. Кшатрии же не могут сочетаться браком с женщинами из сословия брахманов¹⁷. Таким образом, нынешнее население Бали делится на четыре сословия: первое — брахманы, второе — кшатрии, третье — вайшьи и четвертое — шудры. Если Аллаху будет угодно, в этой книге о них еще будет рассказано.

Миновало около семи лет с тех пор, как Кебо Ива поселился холостяком у себя во дворце в Менгви, и вот с Явы на Бали прибыл Ида Сампейан Далем Дева Агунг, родом из небесных духов¹⁸, в сопровождении множества лесных духов. Кебо Ива встретил его и препроводил в Менгви. Узнав, сколь могуч статью и смел был Кебо Ива, Ида Сампейан Далем Дева Агунг был изумлен и испуган. Говорят ему с поклонном лесные духи: «Господин, хоть Кебо Ива и могуч статью, и смел, но глуповат, а с теми двумя раджами расправились мы сами по приказу Ремджаны-индуса». Тут страх Иды Далема Девы Агунга поутих, и он поселился в одном доме с Кебо Ивой.

Говорит Ида Далем Кебо Иве: «Отчего ты не женат?» Отвечает тот: «Я искал себе жену ростом с меня, но не нашел». Говорит Ида Сампейан Далем Дева Агунг: «Есть на Яве, в Бламбангане, женщина ростом тебе под стать, очень красивая собой. Зовут ее Лара Вати Пуспа Дининграг. Истомилась она, не находя равного себе мужа. Лик же ее подобен благоуханному цветку, а испускаемый ею аромат сильнее любых аро-

¹³ Пролив Бламбанган — второе название Балийского пролива.

¹⁴ В а й ш ь я — третье сословие древнеиндийского общества, члены которого традиционно занимались торговлей, управлением хозяйством помещиков, банковским делом.

¹⁵ Ш у д р ы — четвертое сословие древнеиндийского общества, к которому принадлежит большинство сельского населения.

¹⁶ К ш а т р и и — второе сословие в древнеиндийской иерархии: работники сферы государственного управления, военные.

¹⁷ Б р а х м а н ы — высшее сословие древнеиндийской иерархии: священнослужители, учителя, ученые.

¹⁸ D e w a t a m a b a n g — духи-божества, соединяющие в себе черты персонажей архаической и индубуддийской демонологии.

матов и наполнил собою всю Яву». Слыша речи Иды Сампейана Далема Девы Агунга, Кебо Ива был охвачен вожделением и испустил семя, затопившее весь приемный зал. И подумал про себя Ида Далем: «Какую бы хитрость мне придумать, чтобы убить Кебо Иву?»

Говорит Кебо Иве Ида Далем Сампейан Агунг: «Отправляйся-ка в Бламбанган и отвези его правителю мое письмо, в котором я прошу отдать эту женщину тебе в жены». И Дева Агунг написал письмо на языке духов и передал его Кебо Иве. Письмо же гласило: «Когда прибудет к вам свататься Кебо Ива, придумайте, как бы убить его. Это дело непростое — он могуч статью и смел». Правитель Бламбангана понял, чего хочет от него Дева Агунг. И сказал правитель Бламбангана, обращаясь к Кебо Иве: «Хочешь жениться на красавице?» Ответил тот: «Конечно», — и тут же его охватило вожделение, и он испустил семя, затопившее всю площадь перед дворцом правителя Бламбангана. Молвил правитель Бламбангана: «А выкуп за невесту от тебя мне нужен такой: вырой-ка на горе Бламбанган колодец!» Согласился Кебо Ива и стал копать. На семьдесят саженей углубился он в землю, а воды всё не было видно. И вот однажды, когда Кебо Ива находился в колодце и копал, правитель Бламбангана приказал лесным духам и местным индусам принести и высыпать в колодец сотни пикулей¹⁹ извести. Так Кебо Ива встретил в колодце свою смерть. Этот колодец существует на горе Бламбанган и поныне.

Затем правитель Бламбангана написал Деве Агунгу письмо на бумаге из древесной коры: в те времена еще не было заведено писать на пальмовых листьях, и бумагу возили из Келинга. Письмо же правителя Бламбангана гласило: «Кебо Ивы уже нет в живых — он в колодце на горе Бламбанган». Так Ида Далем Дева Агунг обосновался в дворце Кебо Ивы и стал править в Менгви.

Немного времени прошло, и вот как-то явилась туда торговка цветами — жена индуса, торговца цитрусовыми²⁰ по имени Аяа Кенду, промышлявшего ремеслом точильщика. При виде этой индуски в браслетах, ожерелье и серьгах с подвесками, с украшением из золота и изумрудов, вдетым в ноздрю, Дева Агунг воспыпал страстью. Только к ночи возвратилась домой жена торговца цитрусовыми и объявила мужу, что Дева Агунг страстно влюбился в нее. Аяа Кенду расхохотался, довольный тем, что Деве Агунгу полюбилась его жена. Назавтра рано утром Аяа Кенду привел супругу к Деве Агунгу и сказал: «О, государь, вот моя жена. Коли есть на то твоя воля, отдаю ее в твое распоряжение». Молвил Дева Агунг: «А ты без задней мысли отдаешь мне свою жену?» Тот ответил: «Государь, от всей души я вручаю ее тебе, но когда ты пресытишься обладанием ею, верни мне ее». И Дева Агунг принял ее.

Примерно год он наслаждался ею и вернул ее мужу, Аяе Кенду, когда та уже четыре месяца была в тягости. И сказал Дева Агунг Аяе Кенду: «Твоя жена уже четыре месяца как в тягости. Если у нее родится сын, назови его Арья²¹ Батан²² Джерук».

Вскоре Дева Агунг переселился из Менгви в Гелгел, к востоку от Бадунга. А у супруги Аяи Кенду родился сын, и его нарекли Арья Батан Джерук. Спустя некоторое время с тех пор, как Дева Агунг уехал из Менгви, как-то на берегу озера²³, находящегося на вершине горы Батур, встретились ему два брата-индуса, занимавшиеся

¹⁹ P i k u l — мера веса, ≈ 62,5 кг.

²⁰ T u k a n g j e r u k торговца цитрусовыми. Неясно, однако, почему далее он назван также точильщиком клинков.

²¹ А г у а — титул яванского феодала.

²² В оригинале — *Batin* (титул сельского старосты), но публикатор «Повести» М. Ээни-Лажубер транслитерирует это имя как *Batan* по аналогии с именем реального персонажа балийской истории XVI в. — Арья Батана Джерука.

²³ Озеро на возвышенности, на северо-востоке Бали.

разведением буйволов. Старшего звали Вирама Кенду, а младшего — Вирама Шенггара. Дева Агунг подарил Вираме Кенду плетку для буйволов, а Вираме Шенггаре — сумпитан²⁴. И сказал государь им обоим: «Отправляйтесь-ка на запад, к Бадунгу, там ждут вас почет и прибыли куда большие, чем те, что приносит вам разведение буйволов».

Оставив своих буйволов, братья двинулись в направлении Бадунга, а оттуда — в Гелгел. Оказалось, что раджа Гелгела пал жертвой нападения ворон, пожравших всё съестное. Сам же раджа Гелгела был сыном Ремджаны, из сословия вайшьев. Вирама Кенду выхватил свою плетку и разогнал ворон, а Вирама Шенггара перестрелял их из сумпитана. Те же, что остались в живых, больше не появлялись в этих краях. Братья удостоились награды и почестей от раджи Гелгела.

Близ Бадунга было селение Глугур. Раджа Глугура были индусом из сословия вайшьев, у него было две дочери. Вирама Кенду и Вирама Шенггара посватались к дочерям раджи Глугура, но были отвергнуты, потому что принадлежали к сословию шудр. Вирама Кенду и Вирама Шенггара при поддержке воинства раджи Гелгела напали на Глугур и одержали победу. Дочерей раджи Вирама Кенду и Вирама Шенггара собирались сделать своими наложницами, но овладеть ими не смогли, существовало [некоторое] препятствие и запрет [на них]²⁵. Обе же девушки были весьма хороши собой, и Вирама Кенду с братом словно обезумели.

Тут Дева Агунг прибыл в Гелгел. Братья Вирама явились к государю и рассказали, что не могут овладеть принцессами Глугура — к тому есть препятствие. Молвил Дева Агунг: «Вы оба из сословия шудр, то есть из простолюдинов, и не можете брать себе в жены женщин из вайшьев — сословия раджей. Приведите-ка сюда этих девиц, я сделаю их открытыми для вас». Привели двух девушек. Целый год девушки пробыли его наложницами, и обе забеременели. Жена Вирамы Кенду была в тягости уже четыре месяца, а жена Вирамы Шенггары — месяц, когда Дева Агунг вернул их мужьям, и те смогли совершить соитие с ними. Говорит Дева Агунг Вираме Кенду: «Если у твоей жены родится мальчик, назови его Арья Пемейютан». И Вираме Шенггаре сказал: «Если у твоей жены родится мальчик, назови его Арья Паморан, что значит „гибрид“». По истечении девятемсячного срока обе дамы разрешились от бремени и назвали своих детей так, как им повелел Дева Агунг.

Как-то Дева Агунг выехал из Гелгела и отправился в Клунокунг близ Паданга²⁶. Увидел он, что там продают девушку из племени пуа-пуа²⁷, привезенную с востока, купил ее и стал с ней сожительствовать. Родившегося сына он нарек Сатриа Пунгакан. Эти Сатриа и Арья, сыновья Девы Агунга, были из одного сословия. И хотя для балийцев потомство Сатрии Пунгакана почиталось выше потомства Арьи Батана Джерука и Арьи Пемейютана, ибо в его рождении не участвовало семя иного мужчины, но, поскольку мать его была жалкой рабыней, купленной за деньги, он не стал раджей.

В бытность Девы Агунга в Клунокунге на Бали прибыла его сестра — Дева Агунг Истри, девица отменной красоты. На Яве ее величали Дева Рату Самудра²⁸, а на кави²⁹ — Ясный Свет Месяца³⁰. Она носила серьги из листьев веерной пальмы *Seperti*

²⁴ Пневматическое оружие (стрелометательная трубка), приводимое в движение воздухом, выдуваемым человеком.

²⁵ В тексте: *Ada yang mengalang dan tertutup*, т.е. соитие не могло состояться.

²⁶ Ныне Паданг Баи.

²⁷ Папуасов.

²⁸ Божественная Властительница Океана.

²⁹ В тексте по-малайски: *Cahaya Bulan yang Terang*.

³⁰ Древнеяванский язык.

*seruas boleh dipotong*³¹, по семь браслетов на каждой руке, и каин длиной в три сажени³²: [чтобы надеть его, требовалась помощь] двух девушек, держащих полотнище с обоих концов. Она не носила баджу³³ и шарфа, умащала все тело ароматной пудрой, красила ногти на руках и ногах и выглядела весьма привлекательно. Дева Агунг взял ее себе в жены, и у них родился ребенок. Балийцы с глубоким почтением встретили отпрыска от брака Девы Агунга с сестрой — людей одного сословия. Сына, родившегося от сестры, назвали Чокорда. И поныне людей из этого рода немало в Клункунге, это раджи-правители области. В роду этом нет раздоров: их прародители произошли от небесных духов, прибывших на Бали с Явы.

Те раджи, что правят ныне в Карангасеме, — потомки Девы Агунга по линии Арьи Батана Джерука, а раджи Бадунга — его потомки по линии Арьи Пемейютана. Однако среди его потомков по линии Арьи Паморана раджей нет. Многие из них и поныне живут на Бали в селениях близ Бадунга, а их боевым оружием обычно служит сумпитан. Это сословие свободно от общественных работ. Балийцы утверждают, что потомки Арьи Паморана могут из сумпитана прострелить быка навывлет.

А потомки Девы Агунга по линии Арьи Пунгакана не стали раджами потому, что их мать происходила из племени пуа-пуа и была жалкой рабыней, купленной за деньги. По самой своей сущности и внешнему облику они не могли водить дружбу с балийцами благородного происхождения: у каждого из потомков Сатрии Пунгакана и посейчас волосы вьются колечками.

Что касается потомков раджи Гелгела, Клункунга, Бунгкулана и прочих, то они индусы родом из Канди, из вайшьев — сословия, правившего на Бали еще до прибытия туда Девы Агунга. В некоторых местах Бали они остаются раджами и сейчас. Каждого раджу из сословия вайшьев нарекали Джелантиком. Многих вайшьев уничтожили люди из сословия кшатриев — потомки Девы Агунга. Если Аллаху будет угодно, в этой книге об том еще будет рассказано.

После смерти Иды Далема Девы Агунга с Явы на Бали прибыл священнослужитель-индус по имени Брахмана Сакти и прозвищу Санг Аджи Сака. Его жизнеописание гласит, что происхождение свое он вел от потомков Ханумана, сына Рама-раджи, родился в городе Матхура Бриндабан и совершил паломничество в Пунастару. Он купался и пил воду из рек Джамна и Ганг. Брахмана Сакти Санг Аджи Сака был вероучителем на Бали, проповедовавшим веру Будды и поклонявшимся богам, духам и идолам, а мертвых предававшим огню. Балийцы умирали и возрождались заново до семи раз, а их верования были те же, что и у сиамцев, сжигавших своих покойников, согласно вере Будды, исповедуемой индусами. Однако в Сиам переселились не индусы-брахманы, а благочестивые индусы-шудры. На Бали же жило великое множество потомков Брахманы Сакти Санга Аджи Саки, которые и поныне являются балийскими священнослужителями. Когда они возносят молитвы благодарения, или молятся, чтобы отвести беду, или провожают покойного в последний путь, они поминают в своих молитвах воды рек Джамны и Ганга.

На Бали брахманы пользовались большим почетом. Когда они восседали в кресле, раджи рассаживались у их ног. Брахманы на Бали могли брать себе в жены дочерей раджей, но не наоборот³⁴, однако потомки брахманов не могли стать раджами. Если брахман женился на девушке из кшатриев, их ребенок причислялся к более низкому

³¹ Смысл этих слов в данном контексте неясен.

³² Имеется в виду длина полотнища ткани, обертываемой вокруг бедер.

³³ Общее название для различных видов одежды, прикрывающих верхнюю часть тела.

³⁴ То есть сыновья раджей не имели права жениться на девушках из сословия брахманов.

сословию и именовался *brahmana potah*³⁵. Если последний женился на девушке из вайшьев, то его ребенок обретал еще более низкий статус, и его именовали *brahmana anggana*. Когда таковой брал в жены девушку из сословия шудр, его сословное положение становилось еще ниже, его начинали именовать чендала³⁶, и он уже не принадлежал к отцовскому сословию брахманов. Балійцы очень внимательно следили за тем, чтобы люди вступали в брак с равными себе по положению. И поныне нелегко заключить брак, если полюбишь человека иного звания.

История. У раджи Карангасема недавних времен было двое сыновей. Одного звали Анак Агунг Дахуран, он был раджей в Сасаке, а его дворец именовался Кампунг Синга Карангасем³⁷. Было у него трое сыновей. Старшего звали Агунг Лананг, среднего — Густу Геде Джелантик, потому что мать его была из вайшьев, а младшего — Вичил. Брата Агунг Дахурана звали Густу Нгурах Алитан Маде Каранг, он правил в балійской области Асем, сменив в этой должности отца, и у него было шестеро сыновей: Густу Геде Каранг, Анак Агунг Раи, Густу Геде Калудан, Вайахан Карангасем, Анак Агунг Багус и Багус Каранг. Отец этих шестерых — Густу Нгурах Алитан взял верх над вайшьями и стал правителем Булеленга. Раджой Булеленга был Густу Нгурах Джелантик, из вайшьев, который бежал из Булеленга в Менгви. Густу Нгурах Алитан Маде Карангасем поставил раджей в Булеленге своего сына, Анака Агунга Раи, обосновавшегося в Банджар Амбенган, в западной части Булеленга.

Спустя некоторое время Густу Нгурах Алитан Маде прогневался на своего старшего сына, Густу Геде Каранга, и изгнал его в Булеленг. А у Густу Геде Каранга был сын, Дева Паханг, проживавший вместе со своим дедом, Густу Нгурахом Алитан Маде Карангом, в Карангасеме. Вскоре Густу Нгурах Алитан Маде Карангасем скончался в Карангасеме, а с ним в ту пору проживали его взрослые сыновья — Густу Геде Калудан и Вайахан Карангасем, а также младшие по возрасту — Анак Агунг Багус и Багус Каранг.

Между Густу Геде Калуданом и Вайаханом Карангасемом поднялся спор. Говорит Густу Геде Калудан: «Правителем Карангасема стану я — так завещал наш отец». Отвечает Вайахан Карангасем: «Верно, так и было завещано, но только на смену отцу должен прийти наш старший брат — Густу Геде Каранг». Говорит Густу Геде Калудан: «А почему ты так расположен к человеку, на которого разгневался отец, — к этому изгнаннику?» Отвечает Вайахан Карангасем: «Это отец гневался на него, зачем же и нам поступать так же? Да и не заслуживают гнева его прегрешения из-за женщины».

Затянувшийся спор между братьями обернулся для Карангасема большой войной. Прослышал Густу Геде Каранг, что его младшие братья воюют между собой, — собрал воинов Булеленга числом в две тысячи отрядов [воинов] и двинулся на подмогу Вайахану Карангасему. В этом сражении Густу Калудан был убит. Осталось у него двое детей: дочь Рату Агунг и сын Маде Каранг, и были они в ту пору еще детьми. Прослышал об этом сражении брат их отца, раджа Сасака Агунг Дахуран, и послал троих своих детей в Карангасем поглядеть, как воюют его племянники. К тому времени как сыновья раджи Сасака приплыли в Карангасем к своим двоюродным брать-

³⁵ Ни первый публикатор рукописи ван Хувелл, ни М. Зэни-Лажубер не смогли идентифицировать слово *potah* (Zaini-Lajoubert M., 2008, p. 174, примеч. 1). Что касается слова *anggaana*, то, по мнению ван Хувелла, (Hoevell, 1845, p. 198, примеч. 9) оно, возможно, связано с древнеяванским *hanggono*, что означает «сам», «один».

³⁶ *Сендала* — пренебрежительное название человека в индийском обществе, находящегося вне касты (варны) и происходящего от отца-брахмана и матери-шудры.

³⁷ Букв. «усадьба Карангасемского Льва».

ям, Гуси Геде Каранг уже был мертв, Вайахан Карангасем и Гуси Геде Каранг возвратились в Булеленг, с сыном — Девой Пахангом и младшим братом Анаком Агунгом Багусом. Второй младший брат, Багус Каранг, не захотел последовать за дядей, Вайаханом Карангасемом, и его двоюродный брат увез его с собой на Сасак. А Анак Агунг Лананг, старший сын Анака Агунга Дахурана, стал правителем Карангасема.

Анак Агунг Раи, раджа Банджар Амбенгана, был поражен разгоревшейся между братьями войной, но хранил молчание, потому что он в ту пору страдал болезнью глаз. Гуси Геде Каранг и Вайахан Карангасем оба стали правителями Булеленга, а их брат Анак Агунг Раи, раджа Банджар Амбенгана, из-за своей болезни сложил с себя полномочия раджи и передал бразды правления страной Банджар Амбенган некоему брахману.

Неподалеку от Булеленга была страна Бунгкулан, раджа ее был из вайшьев, и звали его Гуси Ньоман Джелантик. Он был дядей Гуси Геде Каранга с материнской стороны и славился своей доблестью. Гуси Геде Каранг и Вайахан Карангасем испытывали трепет перед ним, хотя он и считался у них в подчинении. На многие страны ходил походом Гуси Ньоман Джелантик, брал пленных и воинскую добычу, стал богатым и могущественным. В недавние времена он ходил войной на страну Джембраны, более тысячи воинов этой страны и пятисот воинов страны Бунгкулан были убиты. Жители Джембраны стали пленниками Бунгкулана, а имущество их было разграблено. Долгая это история.

Раджа Джембраны происходил по одной линии из вайшьев, а по другой из кшатриев. По воле Всевышнего Аллаха правитель Неба и Земли Гуси Геде Каранг убил своего брата Вайахана Карангасема в Сангсите, на восток от Булеленга, и от того остался сын, Анак Агунг Нгурах. Во время увеселений, которым он предавался в Джембране, Гуси Геде Каранг обманом был убит правителем этой страны. На смену отцу, Гуси Геде Карангу, пришел его сын — Дева Паханг, который стал править в Булеленге. Он взял в жены Рату Агунг, дочь своего дяди, Гуси Геде Калудана, убитого в Карангасеме.

Дева Паханг скончался в Карангасеме. Пойдя войной на Карангасем, он был убит своим двоюродным братом Анаком Агунгом Ланангом. Отец последнего прибыл из Сасака и правил в Карангасеме. Анак Агунг Лананг отрубил Деве Пахангу голову и выбросил ее в море к северу от Бали, а тело бросил в море к востоку от Бали. Тем самым останки его не были преданы огню. Брахманы утверждают: «Те, чьи тела предаются огню, непременно попадают в рай», — но сыну Анака Агунга Дахурана, Анаку Агунгу Ланангу, не хотелось, чтобы его двоюродный брат Дева Паханг попал в рай. Так и случилось, что Дева Паханг пал от руки своего двоюродного брата, Анака Агунга Лананга, в Карангасеме.

Когда Дева Паханг вместе с жителями Булеленга и обитавшими там бугийцами пошел войной на Карангасем, Карангасем сдался, а его жители бежали из страны, и Дева Паханг стал править в Карангасеме. Этот Дева Паханг был в близких отношениях со своей сестрой, Девой Айю Кемарукан. Она была очень красива, а мочки ушей³⁸ достигали плеч. Жениться на сестре Деве Пахангу не удавалось, ибо об этом непременно пошла бы молва.

Став раджей в Карангасеме, Дева Паханг дал волю своему желанию, и однажды, созвав придворных и министров, приказал одному из брахманов читать «Повесть об Иде Далеме Деве Агунге», своем деде, прибывшем с Явы и женившемся на своей

³⁸ В тексте: *Luas lobang telinganya sampai ke bahunya* — букв. «её ушные отверстия доходили до плеч». Вероятно, под *lobang telinganya* имеются в виду растянутые до плеч, сообразно с местными представлениями о красоте, мочки ушей или же отверстия для серег.

сестре Деве Агунг Истри. И сказал Дева Паханг: «Вот как он взял себе в жены сестру, так и я женюсь на Деве Айю Кемарукан». Придворные и министры были поражены, и один из придворных сказал: «Сказывают, государь, что в прежние времена людям случалось жениться на сестрах, но теперь уже так не поступают». При этом присутствовало множество бугийцев, и Дева Паханг обратился к ним: «А у бугийцев принято жениться на сестрах?» Говорят бугийцы: «Нет, государь, такого у нас не водится». Промолчал Дева Паханг, а затем все разошлись по домам.

Говорят придворные и министры Девы Паханга: «Неужели на Бали не хватает женщин, что он сделал наложницей свою сестру?» Посоветовавшись между собой, все они вместе с бугийцами спешно удалились в Булеленг, оставив в Карангасеме Деву Паханга с его слугами. Прослышал Анак Агунг Лананг, что все покинули Деву Паханга и он остался в одиночестве в Карангасеме. Явился тут Анак Агунг Лананг со своим войском и убил Деву Паханга и Деву Кемарукан. Ныне в Булеленге правит сын Густы Геде Калудана, Маде Каранг — двоюродный брат Девы Паханга и его шурина — брат супруги Девы Паханга, Рату Агунг. Этот правитель Булеленга еще весьма молод.

В Клунгкунге правит Дева Агунг, сын Иды Далема Девы Агунга, прибывшего с Явы. Под ружьем у него около шестнадцати тысяч человек.

В Карангасеме правит Густы Лананг, сын Иды Далема Девы Агунга от простолюдинки. Под ружьем у него около двадцати пяти тысяч человек.

В Гианьяре правит Дева Манггис, сын наложницы Иды Далема Девы Агунга, папуаски. Под ружьем у него тридцать тысяч человек.

В Таман Бали правит Дева Тангкабан, сын Иды Далема Девы Агунга от простолюдинки. Под ружьем у него около десяти тысяч человек, потому что многие погибли и эти потери не были восполнены.

В Менгви правит Густы Агунг, сын Иды Далема Девы Агунга от простолюдинки. Под ружьем у него около сорока тысяч человек.

В Бадунге правит Густы Нгурах Пемейютан³⁹, также сын Девы Агунга от простолюдинки. Под ружьем у него около двадцати тысяч человек.

В Табанане правит Густы Нгурах Агунг, сын Иды Далема Девы Агунга от простолюдинки. Под ружьем у него около восьмидесяти тысяч воинов. Табанан — самая крупная область Бали.

В Булеленге правит Густы Нгурах Геде Карангасем⁴⁰, сын Девы Агунга от простолюдинки.

В каждой из этих восьми областей вершит власть свой раджа. Все восемь — потомки Иды Далема Девы Агунга, прибывшего с Явы. В их числе правитель Клунгкунга Дева Агунг, сын Иды Далема Девы Агунга и его сестры Девы Агунг Истри. Говорят, что на острове Бали проживают 20 000 000⁴¹ человек мужского пола, не считая тех, кто живет на острове Сасак. Все раджи на Бали — горные жители⁴², люди недалёкие и не бывавшие в иных краях. Слыхивал об этих краях лишь раджа Бадунга. Все раджи на Бали — дети одного отца от разных матерей, сыновья Иды Далема

³⁹ Другое написание — Пемечутан. Правитель Бадунга (до 1780 — 1817), заключивший в 1808 г. договор с франко-голландской администрацией во главе с маршалом Дандельсом, согласно которому Бадунг обязался поставлять последней военную и рабочую силу для укрепления обороны Явы. Договор не был проведен в жизнь, так как в 1811 г. Ява перешла под власть Великобритании.

⁴⁰ (1775–1806).

⁴¹ В оригинале: *dua ratus puluh laksa*, т.е. букв. «двести десятков раз по десять тысяч» — явное преувеличение.

⁴² *Orang gunung* — традиционное обозначение людей «диких», нецивилизованных, в отличие от жителей прибрежных районов Архипелага.

Девы Агунга, его семья. Поскольку матери у них были разные, ныне раджи на Бали делятся на пять групп. Первая — Чокорда, к ней принадлежит раджа Клунгкунга, вторая — Арья Батан Джерук, к ней принадлежит раджа Карангасема. Третья — Арья Пемейутан, к ней принадлежит раджа Бадунга. Четвертая — Сатриа Пунгакан, к ней принадлежит раджа Гианьяра Дева Манггис, а пятая — Арья Паморан. У Арья Паморан нет правителя, они не подчиняются власти раджей.

Вот краткий отчет, который Абдуллах ал-Мисри смиренно возлагает к стопам Высокопочтимого Адипати, уповая на его покровительство. Доподлинно изложив все, что я видел своими глазами и слышал своими ушами, почтительно преподношу это Высокопочтимому. С уважением. Конец.

Список литературы

- Маретин Ю.В.* Яджи Сака // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М.: «Советская энциклопедия», 1976. Т. 16, с. 846.
- Парникель Б.Б.* Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.
- Drewes G.J.* (ed.). De Biografie van een Minangkabausen Peperhandelaar in de Lampongs, ed. 's-Gravenhage: Marinus Nijhoff, 1961 (Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, deel 36).
- Hoëvell W.R. van.* Eenige mededeelingen omtrent het eiland Bali van Abdullah bin Mohamad el Mazrie met een Nederduitche vertaling en aantekeningen // Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië. 1845. Vol. VII, II. P. 139–201.
- Inventaris van het Archief van H.M. Baron de Kock (1807–1836) // National Archief, Ministerie van Onderwijs, Cultuur en Wetenschap, n°2.21.005.33.
- Meijlan G.F.* Japan. Voorgesteld in schetsen over de zeden en gebruiken van dat Ryk, byzonder over de Ingezetenen der stad Nagasaky. Uitgegeven door Mr. J.H. Tobias, Ridder van de Orde van den Nederlandschen Leeuw. enz. enz. Amsterdam, [1830].
- Raffles Th.St.* The History of Java. Vol. 1. L., 1817.
- Skinner C.* (ed. & tr.). Ahmad Rijaluddin's Hikayat Perintah Negeri Bengkulu. The Hague: Nijhoff, 1982. (Bibliotheca Indonesica of the Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, 22).
- Termorshuizen G.* De Indische archipel in de gouvernementsskranten, 1812–1830 // Jaarboek Letterkundig Museum 1. Nederlands Letterkundig Museum en Documentatiecentrum. Den Haag, 1992.
- Tobias J.H.* Uitboezeming en laatst vaarwel bij mijn vertrek naar Indië in 1817. Zwolle, 1817.
- Tropisch Nederland:* Veertiendaagsch tijdschrift ter verbreiding van kennis omtrent Nederlandsch Oost- en West-Indië, Jaargang 11, Aflevering 13, 17 Oktober 1938. P. 205.
- Verhandelingen van het Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen.* 1826, V. 11.
- Vickers A.* 'Malay Identity': Modernity, Invented Traditions and Forms of Knowledge // *Barnard T.P.* (ed.) Contesting Malayness: Malay Identity across Boundaries. Singapore, 2006.
- Zaini-Lajoubert M.* Karya Lengkap Abdullah bin Muhammad al-Misri // Naskah dan dokumen Nusantara. Seri XXII. Ecole française d'Extrême-Orient. Jakarta, 2008.
- Ter Keurs P.* Colonial Collections Revisited. Leiden, 2007.

Summary

The Story of the Land of Bali — an “Artificial” Chronicle from the Beginning of the 19th Century

Translation from the Malay Language and Introduction by L.V. Gorjaeva

The publication contains a Russian translation and a research article devoted to a Malay text dating from the beginning of the 19th century — *Hikayat tanah Bali* (“The Story of the Land of Bali”), writ-

ten by Abdullah al-Misri, an ethnic Arab-Muslim close to the Dutch Indian colonial administration. This work, displaying some similarities with Malay regional chronicles' tradition, was at the same time a kind of report or memorandum its author addressed to the Dutch authorities as a result of his Bali mission, describing, along with the history of the island, the distribution of zones of influence and the political situation in Bali in the first quarter of the 19th century.